

С. Ситар

Поле Колумба

(об акции «Обмот штыря серебряным шнуром»)

Ставший в наши дни повсеместным поворот к восприятию всего, чего угодно, в первую очередь как *явлений* (элементов опыта) как будто подразумевает, среди прочего, своеобразную демократическую революцию в области интерпретации этих неисчислимых явлений. Превращение явлений-феноменов в опорную категорию миропонимания уже не сакрализует их — как это было с «терминальными» категориями предшествующих метафизических систем типа «духа», «материи» и т.п. — а, наоборот, уплощает, опустошает, очищает и «эфмеризирует»: в результате этого поворота мы учимся опознавать явления как «всего лишь явления», в их состоянии «как есть» — до и помимо подключения к ним того или иного истолкования. Последнее начинает мыслиться как состоящее с «явлением как таковым» примерно в том же отношении, в каком «означаемое» состоит с «означающим» в рамках теории Соссюра — а именно в отношении, которое по определению не может считаться обязательным и необходимым. В пределе это ведет к признанию того, что любое явление можно интерпретировать вообще как угодно, и что в своей собственной, подлинной основе все явления абсолютно бессмысленны («пусты»). Вполне вероятно, что именно благодаря эпидемическому распространению в европейском культурном пространстве этого кантовско-гуссерлевского «феноменологического флюида» возникли в свое время абсурдистская поэтика обэриутов («Горит бессмыслицы звезда...»), парадоксальные художественные языки Джойса, дадаистов и Беккета. Но не менее вероятно, что появление на сцене в 60-е годы концептуализма соответствует этапу, когда феноменологический поворот начинает действовать в искусстве уже не «инстинктивно», а программно и осознанно (за подтверждением этой гипотезы можно обратиться к манифесту концептуального искусства Генри Флинта 1963 года, к «Искусству после философии» Кошута и текстам группы Art and Language). С этого момента европейская культура, можно сказать, необратимо движется к ситуации, когда каждый становится полноправным и безраздельным «владельцем», а также свободным интерпретатором всех своих «исходных» пространственно-временных, пластических, эмоционально-эстетических и т.д. переживаний.

Это краткое историко-теоретическое введение важно было предпослать моему рассказу об акции «Обмот штыря серебряным шнуром» (состоявшейся 16.08.2023), поскольку он так или иначе будет выстраиваться вокруг размышлений о связи между явлением и интерпретацией. И о том, может или не может эта связь полностью разорваться в тех случаях, когда одно и то же явление интерпретируется (воспринимается) какими-то радикально различными способами.

Выразительным примером подобной заведомой несовместимости интерпретаций была открывшаяся нам в тот день после приезда на поле ситуация вторжения масштабных строительных работ по прокладке трассы «Северного обхода Лобни» на просеку Хайдеггера и «Поляну трех берез» — ситуация, можно сказать, полностью определившая содержательное ядро акции 16 августа. От дорогих нам трех берез остались, как мы обнаружили, какие-то малозаметные, едва выступающие из грунта пеньки. С большим трудом удалось отыскать штырь от железной черепahi, который оказался согнутым почти под прямым углом и окруженным грязью, выдавленной из земли колесами экскаваторов. Перестала существовать поляна, на которой десятилетиями проводились наиболее камерные, укромные и «сакральные» по энергетическому заряду акции. Фактически вместе с поляной исчезла и вся просека Хайдеггера-Хаген: она оказалась брутально разорванной пополам гораздо более протяженной, широкой и беспощадной вырубкой под строящуюся автомагистраль. Кроме того, стало понятно, что воздушную линию электропередачи, которая была хозяйственно-практическим *raison d'être* для просеки, теперь либо перенесут в другое место, либо уберут в подземный коллектор, что обречет две оставшихся жалких ее «култышки» на быстрое и необратимое зарастание новыми деревьями. Справа по ходу нашего движения вдоль уже «бывшей», можно сказать, просеки Хайдеггера-Хаген появилась отлитая из бетона гигантская опорная конструкция для пандуса, по которому, судя по всему, автомобили будут в скором времени подниматься на эстакаду над Рогачевским шоссе. Простая геометрия и циклопические размеры этого сугубо технического сооружения сообщали его облику нечто завораживающе египетское. С левой стороны виднелась гигантская песчаная насыпь для будущего шести- или даже восьмиполосного шоссе, которая плавной дугой уходила на восток и скрывалась за сохранившимся клочком леса. Обширный участок между нами и началом насыпи был покрыт разбросанными в полном беспорядке стволами спиленных деревьев,

вывороченными пнями, глыбами спрессованной земли и другими побочными продуктами колоссальной стройки.

Будучи воспринятым из моей персональной биографической перспективы — у которой, разумеется, было много общего с перспективами других участников-зрителей — все это в совокупности непреодолимо ассоциировалось с картиной Васнецова «После побоища» и, конечно, с репортажами о кошмарных разрушениях и массовой гибели людей, которыми наполнились за последние полтора года сводки новостей. Учитывая, что до этого дачное строительство — куда более камерное в сравнении со строительством «Северного обхода» — последовательно, шаг за шагом вытесняло акционную деятельность КД с Киевогорского поля на эту уединенную просеку и в окружающие ее заросли, теперешний сокрушительный удар дорожно-строительной системы по просеке как «последнему рубежу художественного сопротивления» не мог не производить на нас впечатления рокового катастрофического события, своего рода «Армагеддона КД» — наводящего ужас, тоску и оцепенение, к которым, правда, неожиданно примешивалась нота какого-то отчаянного катарсического освобождения.

Очевидно, что при этом я не мог даже в какой-то смутной, хоть скольконибудь достоверной форме представить себе переключение своего восприятия этой ситуации и составлявших ее эстетических моментов на точку зрения, к примеру, людей, непосредственно занятых в строительстве новой огромной автомагистрали. Представить себе, как все это разворачивается перед взглядом экскаваторщика или прораба, «откалиброванного» совсем другой предысторией и совершенно другими единицами смысла — такими, скажем, как «столько-то тысяч кубов грунта за смену», «участок номер такой-то», «наряд», «захватка», «вахтовые надбавки» и т.д. С другой стороны, с полной «теоретической» необходимостью следовало признать, что такой (совершенно «трансцендентный» по отношению к моему взгляду) образ ситуации не просто существовал и существует, но, кроме того, наделен какой-то своей, недоступной мне мощной эстетической энергией — каким-то, наоборот, «позитивным» жизнеутверждающим пафосом, который включает в себя: восхищение масштабом и чистотой геометрии строящегося сооружения, удовольствие от слаженного взаимодействия множества сотрудников с разными навыками и компетенциями, любовно-хозяйское отношение к используемой для производства работ строительной технике, способность — пусть и незаметно для себя — радоваться аскетичному благородству фактур базовых

стройматериалов типа песка и бетона — и многое другое. Этот необъятный океан моментов составлял и составляет некую «параллельную вселенную». И изнутри нее весь сгенерированный КД за десятилетия вокруг Киевогорского поля «культурный слой» — если на минуту предположить, что ее «обитателям» довелось бы ознакомиться с этим слоем сколько-нибудь детально — предстал бы как какой-то случайный и нелепый придорожный мусор, как что-то не более ценное, чем, скажем, эфемерные каракули уличных граффитистов или незаконно расклеенные на бетонном заборе рекламные объявления.

Такая непреодолимая отделенность «моего восприятия» от «восприятия кого-то другого» и, шире, от всякой «не моей» связи с явлениями составляет фундаментальную черту человеческого бытия-в-мире, сыгравшую роль одновременно камня преткновения и отправного пункта для многих известных философских систем — особенно новейших. Но всегда ли человек обречен оставаться прикованным к своей уникальной созерцательно-рефлексирующей позиции? Полностью ли исключен для конкретного меня доступ к восприятию чего-то «глазами кого-то другого», «не моими» глазами?

Возможность — казалось бы полностью исключенную — такого трансцензуса продемонстрировала серия событий, случившихся со мной в акционном «последействии» — почти сразу после того, как мы переместились к северной границе Киевогорского поля, прикрепляя по дороге к основаниям деревьев портреты Дарвина, Маркса, Толстого и Дугласа. Эту любопытную последовательность событий я постараюсь описать ниже несколько более развернуто.

Пройдя через «Поляну библиотеки» мы устроили небольшой «пикник на обочине», и уже было собрались двигаться в сторону Рогачевского шоссе и Москвы. Но в этот момент внутренний голос напомнил мне, что я давно хотел предварительно осмотреть линию перемещения по лесу, вдоль которой предполагалось зарыть стальные шары в рамках возможной будущей акции под рабочим названием «Замыкание». Линия эта была намечена когда-то на спутниковом снимке — она фиксирует прямой маршрут, идущий от северо-восточного угла расположенного на Киевогорском поле дачного поселка «Горки-Л / Дерябино» к ближайшей юго-западной точке другого коттеджного поселка (с/т «Нива»), расположенного за лесополосой, которая обрамляет Киевогорское поле с северо-востока. За поселком «Нива», что существенно для дальнейшего рассказа, находится другое поле, по размерам сопоставимое с Киевогорским, — так что в схематичном виде

композиция типов пространственных контекстов вдоль этого направления может быть описана так: «поселок на краю поля» — «лес» — «поселок на краю поля». Расстояние между двумя крайними точками этого маршрута, как я вычисли в свое время по карте, равно тремстам с небольшим метрам. Соответственно, я прикинул, что, если идти через лес достаточно бодрым шагом, то пройти весь маршрут можно не более чем за 7-10 минут (даже с поправкой на снижение темпа ходьбы за счет неизбежных в лесу естественных препятствий).

В ходе предварительного обдумывания предстоящей прокладки на местности этого маршрута я даже успел вычислить точный азимут (57.8°), по которому следовало двигаться от северо-восточного угла «Горок-Л / Дерябино», чтобы попасть точно в намеченный конечный пункт за лесом. Исходный северо-восточный угол «посюстороннего» поселка в тот момент был от нас совсем недалеко — метрах в двадцатитридцати. Однако в тот день я, увы, не догадался взять с собой компас, поэтому к моему в целом оптимистичному представлению о легкости и быстроте намеченного разведывательного перемещения несколько омрачалось сомнением в том, удастся ли мне не уклониться далеко от оптимального курса и не потратить неизвестно какое количество времени на непредвиденные блуждания. Это соображение склонило меня к тому, чтобы попробовать пройти маршрут одному — попросив Андрея, Дашу, Оксану и Машу подождать меня на краю поля в районе нашего пикника. Я взвешенно рассудил, что в одиночку смогу двигаться по лесу гораздо быстрее и, даже если немного собьюсь курса, все равно относительно быстро наткнувшись на южную границу «потустороннего» поселка, а затем, двигаясь вдоль его внешнего ограждения, сумею без значительной задержки дойти до искомого «конечного» пункта (юго-западного угла «Нивы») и так же оперативно вернуться назад. Понятно, что такое «постепенно нащупывающее цель» передвижение по заросшей пересеченной местности грозило бы превратиться в целую эпопею, если бы оно осуществлялось всей компанией, состоявшей из людей с существенно разной привычно-комфортной скоростью ходьбы. В густом лесу такая группа наверняка бы распалась, возвращение за отставшими дополнительно осложнило бы ориентацию, и в результате экспедиция, в теории казавшаяся легкой прогулкой, могла бы завершиться изнеможением и провалом. Нельзя сказать, чтобы мой план одиночного марш-броска был одобрен остальными участниками полностью — они как будто решили тоже попробовать пройти лес насквозь, но все же двигаясь при этом в своем неспешном темпе. Как бы то ни было, я, в какой-то степени поставив остальных перед фактом,

постарался максимально надежно (хотя и интуитивно) определить для себя правильное направление и бодро устремился вглубь леса.

Ориентироваться по солнцу можно было только очень приблизительно, поскольку оно уже клонилось к закату и почти мгновенно скрылось от меня за деревьями. Для контроля я решил заметить на телефоне время моего старта: превышение расчетных 7-10 минут сигнализировало бы о том, что я существенно отклонился от истинного направления, и что необходимо как-то скорректировать курс. На пути встречались участки разной степени заболоченности, но постепенно под ногами стало суше и меня обступили сплошные черные сосны, производившие какое-то сказочное и одновременно мрачноватое, таинственно-угрожающее впечатление. Попадались какие-то едва заметные тропинки (или псевдо-тропинки?), но я их решительно пересекал, повинувшись указаниям своего «внутреннего компаса». Отведенные на пересечение трехсот метров минуты вскоре истекли, затем еще какое-то «резервное» время я прошагал в том же направлении, однако никакого забора или просвета впереди по-прежнему видно не было. Несколько встревожившись, я стал дополнительно ускоряться и держаться правее — возникло опасение, что исходно я взял слишком резко на север и в результате мог проскочить мимо искомого угла «Нивы» с западной стороны, где забор поселка разворачивался параллельно моей теперешней траектории. Но вот, наконец, к моему огромному облегчению, густая чаща начала расступаться, потом среди моря целомудренных папортников и опавших иголок показалась уже довольно уверенно протоптанная дорожка, а в отдалении между стволами стали мелькать островки голубого неба. Я повернул еще резче вправо, поддавшись направлению, в котором вела утоптанная «потусторонними жителями» тропа, и вскоре оказался на краю большого поля.

Едва ли нужно ли пояснять, что в этот момент я чувствовал себя прямо таки Колумбом, созерцающим долгожданную полоску берега после изнурительного и рискованного транс-атлантического плавания. Раскрывшийся передо мной глубокий простор как будто поддерживал эту параллель каким-то своим подчеркнуто идиллическим характером. Здесь все выглядело удивительно свежим и неизведанным: чуть видневшиеся справа и слева домики казались непривычно чистыми, аккуратными и уютными для этих мест, осторожно ползущие по далекой, едва заметной дороге автомобили напоминали прилежных трудолюбивых муравьев, и даже солнце светило тут как-то по-особенному лучезарно и радужно, из-за чего возникало впечатление

своеобразной иномирности происходящего, его принадлежности к какому-то другому, нездешнему времени. Все это постепенно соединилось у меня в голове в — уже не просто чувственное, а чувственно-интеллектуальное — определение этого ландшафта как «первозданного» и тем самым «эйдетического», то есть выступающего в качестве некоего «высшего прообраза» по отношению ко всем остальным пейзажам подобного типа. Охваченный приятным воодушевлением, я сделал три снимка этой панорамы с помощью телефона — скорее для себя, для памяти. Увы, запрошенные мной на поход сквозь лес у других участников акции 14-20 (т.е. 7-10 x 2) минут были уже исчерпаны, моя отлучка крайне невежливо затянулась и грозила затянуться еще сильнее. — Но, в конце концов, думал я, открытие этого «потустороннего» поля, этот его необыкновенный «исконный» свет стоили того, чтобы из-за них произошел некоторый непредвиденный сбой в заранее составленном на этот день расписании событий. Приблизительно в этой точке моих размышлений меня застал звонок Андрея — судя по голосу, уже несколько обеспокоенного моим отсутствием. Я сообщил ему, что возникли некоторые непредвиденные сложности, но что теперь уже все под контролем, и скоро я вернусь обратно к группе.

Конечно, в том, что я вышел именно к полю, а не — как я рассчитывал — к южному забору поселка «Нива», было что-то странное. Получалось, что я каким-то чудом оказался «втянутым» в довольно таки узкий зазор между «Нивой» и расположенным юго-восточнее лобнинским микрорайоном «Луговая», который, судя по фотографиям в Гугл, представляет собой не более чем еще один типичный местный коттеджный поселок. Теперь мне стало ясно, что этот «узкий», если судить по карте, зазор-перешеек на самом деле был достаточно широким и густо заросшим — достаточно для того, чтобы, идя по нему, я и не догадывался, что за деревьями и кустами по бокам от меня уже находились участки и дома двух этих «потусторонних» поселков. Причиной моего чудесного попадания в этот зазор, похоже, стало решение свернуть на протоптанную дорожку. Как я про себя подумал, ей как раз и полагалось выводить пешехода через узкую полосу леса между поселками к полю, — поскольку «Луговую» эта тропа обходит с севера, где этот поселок граничит с полем, а «Ниву» — с юга, где «Нива» вплотную граничит с лесом. Получалось, что теперь мне следовало сначала пройти по той же дорожке около ста метров обратно (выбравшись, таким образом, из «щели» между поселками), а затем свернуть достаточно резко влево — и мчаться во всю прыть обратно

через лес, чтобы не перегружать остальных участников мучительно разросшейся дозой «пустого действия».

Все перечисленное я проделал в намеченном порядке, стараясь ориентироваться по наземным приметам, которые я старательно запоминал в первой фазе своего марш-броска. При этом на обратном пути роль широкой преграды, в которую я по идее должен был неминуемо уткнуться (и тем самым вновь «твердо нащупать» свое местоположение), полагалось сыграть уже не южной границе «Нивы», а сравнительно короткой северной стороне поселка «Горки Л / Дерябино». Эта «грань» поселка, как я полагал, находилась значительно западнее моей теперешней позиции. Поэтому, после запланированного резкого поворота с дорожки влево, в лесную чащу, я стал инстинктивно забирать правее — т.е. западнее — опасаясь теперь, что меня может произвольно отнести к востоку, к окрестностям «Поляны библиотеки» (где глубина леса значительно увеличивается, и, соответственно, существует угроза полностью потеряться). Я снова заметил время, и снова получилось так, что я шел уже значительно дольше, чем рассчитывал, а долгожданный забор все никак не появлялся. Уже не на шутку взволнованный, я перешел почти на бег. Наконец забор вдали показался — правда, к некоторому моему удивлению, это был не стандартный деревянный или жестяной забор отдельного дачного участка, а сваренная из металлических прутьев «общественная» ограда, которой зажиточные поселки нередко самодовольно окружают себя со всех сторон. Недалеко от этой ограды меня поджидал довольно необычный объект — вынесенная кем-то в лес «галлюцинаторно» замшелая собачья конура, совершенно классическая по форме, но таких преувеличенных размеров, что в ней, как мне показалось, мог бы с комфортом поселиться пони или небольшой бегемот.

Теперь, чтобы воссоединиться с остальными, мне как будто нужно было лишь двигаться влево вдоль обнаруженного забора, пока он сам не приведет меня к месту, где я расстался с группой. По дороге к этому пункту я должен был сначала миновать поворот дороги из леса на центральную улицу «Горок Л / Дерябина», перекрытый в устье улицы шлагбаумом. Однако, двинувшись вдоль забора, вместо этого устья я вскоре обнаружил «внутренний угол» ограды — то есть место, где она неожиданно поворачивала в ту сторону, откуда я пришел. Продвигаться здесь было трудно из-за густо разросшегося вблизи от забора подлеска. Я повернул «вместе с оградой» влево, и через некоторое время обнаружил еще один угол — теперь уже «внешний». Меня постепенно

стало одолевать паническое осознание того, что я нахожусь совсем не там, где я думаю — протяженность этих заборных зигзагов значительно превосходила размеры, которыми, как я считал, могла обладать северная оконечность «Горок Л / Дерябина». Но мне как будто не оставалось ничего другого, кроме как следовать избранному плану. Я повернул вслед за поворотом забора вправо и стал стараться двигаться настолько быстро, насколько в принципе это было возможно в таких сложных условиях. Сварная металлическая ограда по мою правую руку все тянулась и тянулась, никакого шлагбаума не было, и теперь я уже осознал с полной определенностью, что нахожусь непонятно где. Последовали еще два поворота забора — сначала снова вправо, а потом влево — и в этом месте сквозь его металлические прутья стали яснее проступать детали внутреннего устройства находившегося за ним поселка. Они совсем не походили на относительно знакомые мне обшарпанные виды «Горок Л / Дерябина». Поселок за забором ласкал взгляд гладко подстриженными газонами и мощеными дорожками, рядом с которыми располагался озелененный продолговатый пруд с детской площадкой, — причем все это, очевидно, относилось к территориям общего пользования. В какой-то момент я набрел на врезанную в «общественную» ограду небольшую калитку, которая, к моему удивлению, оказалась незапертой. Недолго думая, я зашел внутрь и двинулся по одному из этих опрятных тротуаров, осматривая на ходу окружающие элементы благоустройства.

При всей своей ухоженности, поселок внутри оказался полностью, как-то даже подозрительно безлюдным — так что спросить «Как добраться отсюда до Дерябино?» было совершенно не у кого. Однако сориентироваться мне, понятное дело, было совершенно необходимо, причем как можно скорее, поскольку с каждой следующей минутой терпение ожидавших меня спутников подвергалось все более суровому и незаслуженному испытанию. Я прошел вдоль внутренней улицы поселка с монументальным покрытием из крупных бетонных плит. В конце ее обнаружилась еще одна калитка — на этот раз закрытая, но открывавшаяся изнутри нажатием кнопки. Выйдя с помощью этой калитки за пределы территории поселка, я в очередной раз оказался на границе леса и поля.

Последняя, чрезвычайно хрупкая надежда вновь обрести четкое представление о моем местонахождении в «согласованном» географическом пространстве была связана с сотовым телефоном, в котором, как я знал, установлены программы для навигации — в частности, «Яндекс-карты». Хрупкой эта надежда была, с одной

стороны, из-за удаленности от города, что подразумевало проблемы с мобильной связью, а с другой стороны — из-за развернутой некоторое время назад кампании по противодействию атакам беспилотников, которая привела к тому, что даже в Москве навигационные устройства перестали правильно вычислять GPS-локацию пользователей. Я с глубоким внутренним трепетом запустил в телефоне программу «Яндекс-карты» — и, о чудо! — оказалось, что она работает, вполне четко отражая мою текущую геопозицию на, пусть и бедной деталями, но все же достаточно внятной схеме окружающей территории. Каким же было мое удивление, когда, разобравшись со схемой, я понял, что нахожусь точно на северной оконечности поселка «Нива» — то есть (что наиболее существенно) все еще с другой, противоположной стороны леса от того места, где я отделился от группы, и где меня по идее должны были ждать. Как я мог сюда попасть? Каким в действительности был маршрут моего движения? С этими вопросами мне явно предстояло повозиться в дальнейшем, а пока электронная карта преподнесла мне еще один приятный сюрприз: выяснилось, что от угла поля, расположенного метрах в ста пятидесяти впереди меня, к северной оконечности «Горок Л / Дерябина» идет через лес какая-то совершенно прямая «тайная» дорожка, о существовании которой я раньше не подозревал, и которую было невозможно обнаружить на спутниковом снимке в «Гугл-картах» (как я установил позднее, она все таки просматривалась там, но лишь как едва различимая «тень линии» на фоне хаотичной фактуры зарослей). Двигаясь по этой дорожке с крейсерской скоростью, да еще с возможностью корректировать курс посредством навигатора, я мог преодолеть дистанцию, отделявшую меня от группы в течение пяти-семи минут *уже с полной гарантией*.

В этот момент раздался второй звонок от Андрея. Я, как мог, постарался заверить его в том, что на этот-то раз все уже действительно, стопроцентно под контролем, и что до моего возвращения теперь *в полном и точном смысле* осталось совсем немного. Конечно, я при этом чувствовал себя неловко и просто рвался вперед, чтобы поскорее выполнить свои катастрофически просроченные обещания. Тем не менее, я все же заставил себя задержаться и сделать снимки оставшейся позади меня калитки поселка и расстилавшегося вокруг нового поля, которое было для меня продолжением того «первозданного», «потустороннего» поля, открывшегося мне после моего первого броска через лес. Программа-навигатор в самом деле стала моим спасителем. Теперь я перемещался как бы одновременно в двух ипостасях — заброшенного в незнакомую местность физического тела и парящего высоко над местностью всевидящего разума, способного в реальном

времени мониторить мои (свои) перемещения относительно невидимых с уровня земли ориентиров. Поэтому мое возвращение к группе действительно произошло почти мгновенно — я даже смог позволить себе не идти строго на юго-запад до дальнего угла «Горок Л» по найденной «невидимой» прямой просеке, а срезать значительное расстояние по диагонали, — так, чтобы выйти из леса сразу в районе шлагбаума и устья центральной улицы, то есть метрах в тридцати от точки начала моего затянувшегося путешествия. Здесь, как и предполагалось, я встретился с остальными участниками поездки. Возможно, в мое отсутствие какая-то критика моей нерасторопности звучала, но теперь, судя по всему, справедливое негодование затмилось радостью воссоединения: как мне показалось, атмосфера в группе была вполне спокойной и расслабленной, и никаких упреков в медлительности я не услышал.

Наше последовавшее затем обратное движение к Рогачевскому шоссе через Киевогорское поле получилось непредвиденно растянутым — думаю, во многом из-за того, что вдалеке, за сохранившимися столбами ЛЭП и поредевшей полосой деревьев, в вечернем свете стала отчетливо видна огромная строящаяся эстакада, направленная как раз туда, где происходило основное событие акции. Все были откровенно загипнотизированы этим зрелищем, делали снимки, и в самом нашем разрозненном и заторможенном проходе по полю проступала какая-то монументальная кинематографическая меланхолия. Однако, преодолев это оцепенение, мы все таки вернулись к припаркованной недалеко от шоссе дашиной машине и поехали домой.

Для меня, впрочем, событие этого дня на этом еще далеко не закончилось — всю обратную дорогу я предвкушал, как буду в спокойной домашней обстановке рассматривать сделанные снимки и разбираться с вопросом о том, что же на самом деле произошло со мной в ходе всех этих беспорядочных метаний по лесу. Меня все глубже снедало подозрение, что поле, которое я увидел после первого перехода через лес — и которое про себя нарек «полем Колумба» — не могло выглядеть так с той географической точки, в которой, как я полагал, я был в момент, когда его рассматривал и фотографировал. Или, иначе говоря, что оно не может находиться там, где, как я тогда думал, оно находится. Или, что, даже если оно и могло выглядеть так, как я его увидел, непосредственные подступы к нему должны были выглядеть по-другому. Все это не давало мне покоя и мешало поделиться этой историей со спутниками, поскольку в истории оставалось слишком много вопросов и неопределенностей.

Дома я начал искать способ сличить сделанные мной снимки «поля Колумба» с какими-то другими данными, которые позволили бы достоверно верифицировать место съемки. Стандартных снимков “Google street view” для окрестностей «потусторонних» поселков «Нива» и «Луговая» в сети не было. Но на основе более внимательного анализа самой по себе спутниковой съемки я все сильнее убеждался в том, что моя мысленная локализация «поля Колумба» была неверной. Как ни крути, получалось, что я не мог пройти через «перешеек» между «Нивой» и «Луговой», не заметив за лесом с двух сторон от меня заборов и строений — он был для этого слишком узким. Но тогда приходилось признать, что я увидел поле, которого просто нет в «физической реальности»! Не находя никакого рационального решения этой загадки, я в задумчивости просматривал те «стрит-вьюз» вокруг Киевогорского поля, которые в «Гугл-картах» все таки есть — это были виды изнутри и вдоль северо-восточной границы снт «Колос», примыкающего к Киевогорскому полю с юго-запада. И вдруг в ходе одного из очередных «фотопроездов» по окраине «Колоса» я уловил какой-то смутно знакомый паттерн — на примерно равных расстояниях друг от друга стоят три близких по габаритам дома с треугольными фронтонами, форма которых слегка варьируется: треугольник со срезанным верхним углом, простой равнобедренный треугольник и треугольник с чуть-чуть ломаными «мансардными» очертаниями. Где я мог раньше видеть эту последовательность вариаций? Еще не веря своей догадке, я в очередной раз вернулся к своим снимкам «поля Колумба», и — не может быть! Я увидел, что в центре последнего, третьего снимка, на котором я зачем-то решил покрупнее запечатлеть отдаленные дома на дальнем краю «потустороннего» поля (которые в мелком виде уже были зафиксированы на панораме), красуются именно эти три фронтона...

Наконец, все встало на свои места! Думая, что я — пусть и не по прямой, а как-то «криво» — перешел за первые 12-15 минут моего одиночного похода на другую сторону леса, я в действительности ухитрился сделать в лесу почти полный круг и выйти к тому же «хорошо знакомому» Киевогорскому полю, приняв за «потустороннюю дорожку» ту самую тропинку, на краю которой получасом ранее мы устраивали пикник. Мое светозарное «поле Колумба» оказалось все тем же Киевогорским! Постепенно мне стала понятна и причина этой его странной «светозарности» или «иномирности». Когда я, как мне казалось вышел к «полю Колумба» из леса, мой взгляд на него, если судить по моему «внутреннему компасу» должен был быть направлен в северном (или северо-северо-восточном) направлении. И, если, стоя в

действительности на краю Киевогорского поля, я должен был в этот момент видеть вечернее солнце по правую руку от себя — на западе, то, пребывая (в тот же момент) на краю «воображаемого» поля Колумба, я должен был то же самое, находящееся у горизонта справа, вечернее солнце неосознанно воспринимать как находящееся не на западе, а на востоке — т.е. как солнце раннего, еще только начинающегося, нового дня. Конечно, в ту минуту я не думал отчетливо «сейчас я вижу утро» — но подсознательно эта радикальная смена времени суток на меня, безусловно, подействовала. Эта фантасмагория с изменением освещения и «попаданием в утро», как бы «пойдя навстречу» моему смутному ожиданию увидеть за лесом что-то новое, и придала всему, что я увидел «там» — пространству поля, крошечным домам, чуть виднеющимся вдалеке дороге, машинам и т.д. — качество чего-то, что только что проснулось, и у чего *впереди* даже не просто новый день, а как будто вся бесконечность времени. «Хорошо знакомое мне» Киевогорское поле, из-за попадания «по недоразумению» в *другое место и другое время*, стало для меня — сначала эстетически, а потом и символически — чем-то совершенно новым, «новоначальным», соответствующим греческому ἀρχή.

Но разве не является принадлежность чего-либо к тем или иным конкретным месту и времени чем-то в любом случае условным, привнесенным и «чужеродным» по отношению к этому самому этому «нечто»? Аристотель относил место и время, пусть и к основным, но все же «акцидентным», вторичным и менее существенным предикатам. С точки зрения кантовской трансцендентальной эстетики свою скоординированность пространством и временем вещи не могут получать иначе, кроме как от созерцающего их человека — обладающего способностями памяти и воображения, которые только и позволяют соотнести феноменальную данность вещи с какими-то не совпадающими с ней «до», «после», «выше», «ниже», «дальше», «ближе» и т.д. Конечно, при этом сохраняется возможность квалифицировать те или иные пространственно-временные локализации вещей как «корректные» или «некорректные» — но, по Канту, такая «корректность-некорректность» может устанавливаться только в соотнесении с локализациями «тех же» вещей другими наблюдателями и ансамблями наблюдателей: группами, сообществами, общечеловеческим ансамблем. В этом смысле получается, что отнесенность феномена к тому или иному месту и времени действительно представляет собой некое не принадлежащее ему дополнение, «замутняющее» сам этот феномен текущими групповыми

или общечеловеческими интересами и принятыми нормами восприятия-понимания.

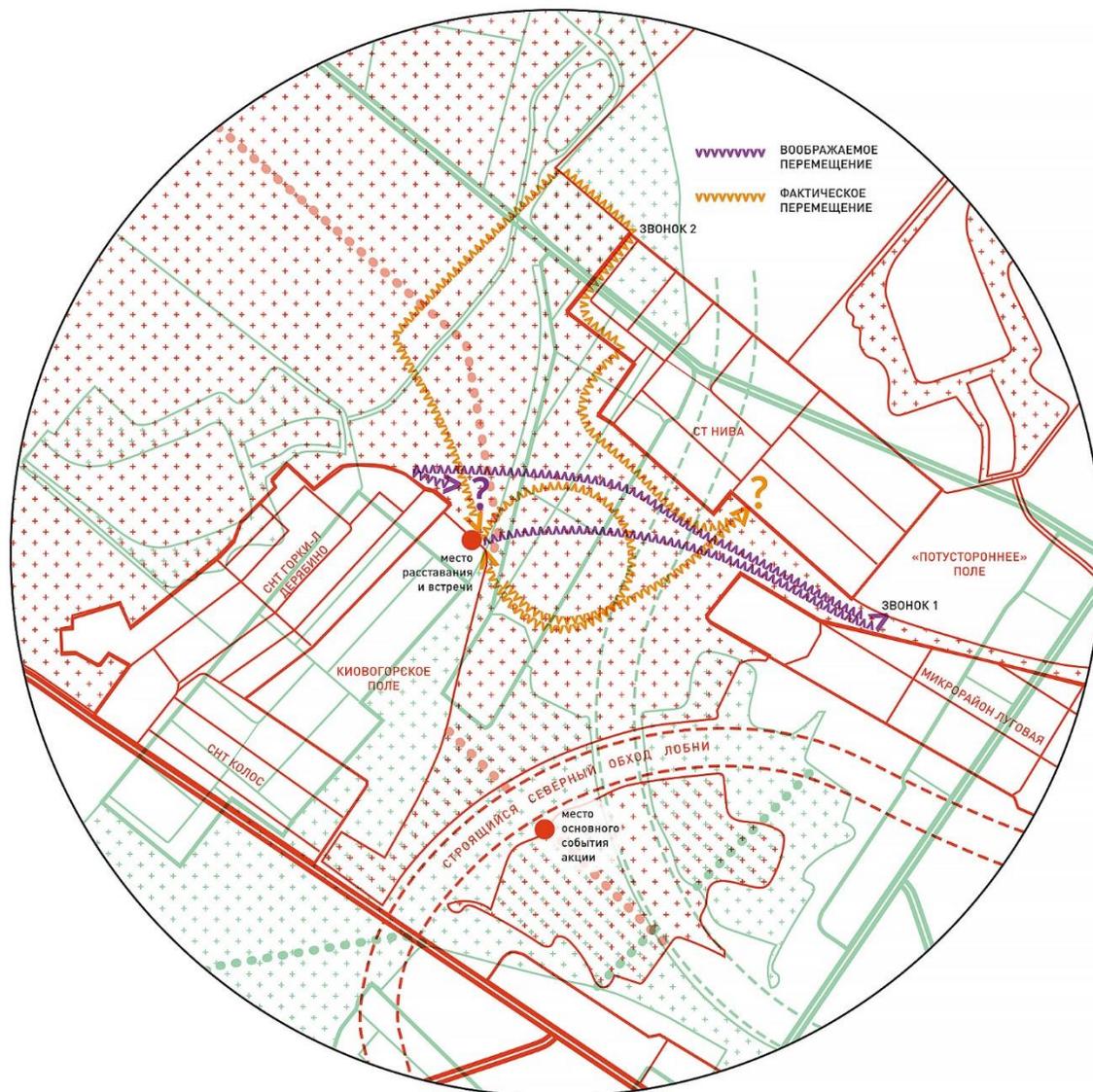
Суть дела, впрочем, не только и не столько в подчиненности индивидуального восприятия коллективным пространственно-временным конвенциям и ритмам, действующим в том числе через навигационные программы. Ведь легко можно себе представить, что таким же «эйдетическим» — то есть в состоянии моего «поля Колумба» — Киевогорское поле мог увидеть (или даже когда-то увидел) какой-нибудь другой человек, который до того никогда на нем не был, и который, скажем, действительно вышел к нему с противоположной стороны леса каким-нибудь реальным ранним августовским утром. (Правда, солнце было бы от него по левую руку — но существенно не фактическое положение солнца, а эстетическая и символическая энергия события). Кажется вполне обоснованным трактовать предоставившуюся мне в тот день возможность увидеть Киевогорское поле «впервые» — то есть пережить результат его полного «остранения» (по Шкловскому: пережить этого поля «в́идение, а не узнавание») — в качестве опыта, не вполне естественно-рациональным путем «позаимствованного» у кого-то другого. «Я-тогдашний», можно сказать, пребывал тогда «не в том состоянии» и находился «не в том положении», чтобы такой опыт получить. С другой стороны, выходит, что, приобретя этот незаконный опыт, став его носителем, я принял в себя фрагмент сознания этого «другого», заразился от постороннего опыта как каким-то посторонним геномом — т.е. подвергся генетической трансформации, сам стал другим.

Разумеется, трансформация эта была по-своему предопределена «другой стороной контекста» — основным событием состоявшейся в тот день акции, освобождающим от повседневных связей эффектом поездки как таковой, всей многолетней «мистагогией» акционной практики КД, сопровождающим ее дискурсом и т.д. Но примечательно также, что, как в случае акции 2021 года «Убраться», содержательная кульминация события для меня оказалась сдвинутой по отношению к главной сценарно-партитурной части действия куда-то на ее последнейшие «поля». Интересно, что, как и тот раз, эта содержательная кульминация представляла собой не только погружение на уровень фундаментальных слоев кантовского «трансцендентального единства апперцепции» — т.е. «чистого» пространства-времени — но, в более полном и точном смысле, *размыкание* этого единства, — которое принадлежит к тому же ряду, что и онто-эпистемологическое единство декартова *cogito*,

лейбницеvской монады, гуссерлевского мира феноменов, хайдеггеровского *Dasein*... Удивительная и несуразная подвешенность зарегистрированного мной явления между «моим опытом» и «опытом другого» (как «опытом, обладателем которого я не должен был бы стать») привела *post factum* к переживанию и признанию этого явления в качестве отдельной, вообще никому не принадлежащей, но в то же время совершенно реальной «(вне)контекстуальной предметности» — т.е. чего-то в духе то ли средневекового реализма, то ли средневекового номинализма (*haecceitas*). Образовавшаяся при этом конкретная «предметность» оказалась наделенной парадоксальным свойством «самоотрицания» или «саморазоблачения» — отсюда, в свою очередь, выросло решение изготовить ее отдельную «фактографию» в виде фото-текстовой композиции «Поле Колумба (Columbus Field)».

07.11.23

ПОЛЕ КОЛУМБА / COLUMBUS FIELD	
	
Фотография Кioвогорского поля, сделанная в момент, когда, глядя на него, я думал, что вижу другое поле, расположенное с другой стороны леса.	Photograph of Kiovoгorsky field, made at the moment, when, while watching it, I'd been thinking that I see another field, located on the other side of the forest.

ПРИМЕРНАЯ СХЕМА МОИХ ПЕРЕМЕЩЕНИЙ ПО ЛЕСУ
 В ПОСЛЕДСТВИИ АКЦИИ «ОБМОТ ШТЫРЯ СЕРЕБРЯНЫМ ШНУРОМ»
 (ПРИЛОЖЕНИЕ К ТЕКСТУ «ПОЛЕ КОЛУМБА»)